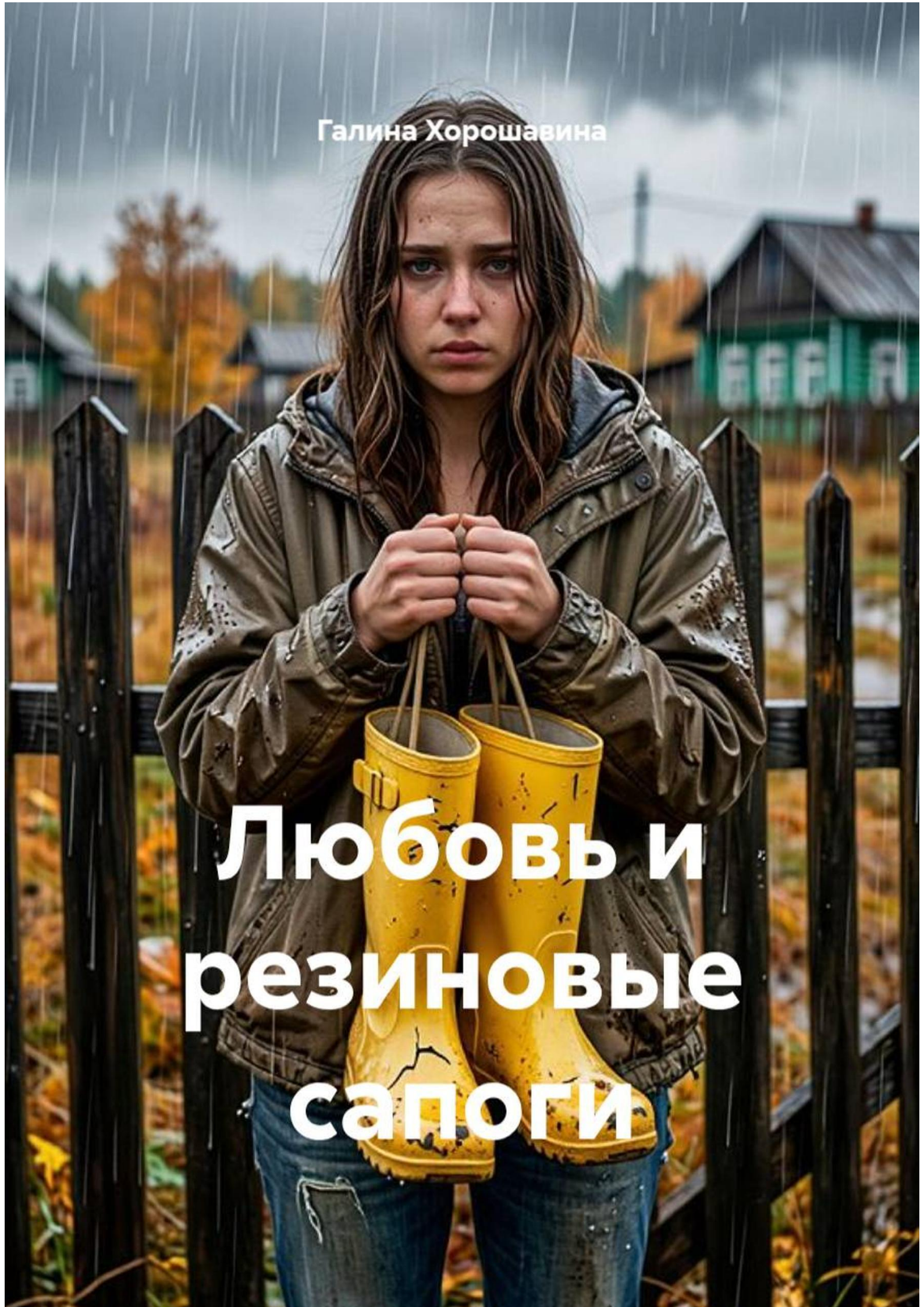

A young woman with long, wet brown hair and a somber expression stands in the rain. She is wearing a dark, wet raincoat and blue jeans. She holds a pair of bright yellow rubber boots by their handles in front of her. The boots are also wet and have some dark spots on them. She is standing behind a dark wooden fence. In the background, there are houses with dark roofs and some trees with autumn-colored leaves. The sky is overcast and it is raining heavily, with raindrops visible as white streaks against the darker background.

Галина Хорошавина

Любовь и резиновые сапоги

Галина Хорошавина

Любовь и резиновые сапоги

«Автор»

2026

Хорошавина Г.

Любовь и резиновые сапоги / Г. Хорошавина — «Автор», 2026

Арина сбежала от рухнувшей карьеры и разбитых отношений в глухую деревню Заречье, надеясь найти там спасение от самой себя. Вместо тишины и просветления она нашла бесконечные осенние дожди, покосившийся забор и единственное утешение — поцарапанные ярко-желтые резиновые сапоги, которые стали символом ее отчаяния и добровольного плена.

© Хорошавина Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Любовь и резиновые сапоги

Глава

Осень в этом году выдалась на редкость щедрой на дожди. Деревня Заречье, спрятавшаяся в низине между двумя холмами, превратилась в царство густого, пахнущего мокрой землей и прелыми листьями тумана. Арина стояла на крыльце старой дачи, кутаясь в дедовский брезентовый плащ. Под ногами, на досках, уже собралась небольшая лужица. Она посмотрела вниз, на свои ноги. Ее резиновые сапоги были ярко-желтыми, цвета перезрелого лимона. Купленные три года назад в сельпо по случаю внезапного ливня, они давно потеряли глянцевый блеск. На правом голенище красовалась глубокая царапина — память о старой яблоне, на которую Арина неудачно полезла за самыми спелыми плодами. Подошва левого сапога начала немного отходить, и при каждом шаге раздавался тихий, влажный «чавк». Она ненавидела эти сапоги. Они были символом ее поражения. Полгода назад она уволилась из архитектурного бюро в Москве, разорвала отношения, которые тянули ее на дно, и сбежала сюда, к бабушкиному дому, чтобы «найти себя». Но вместо просветления нашла только бесконечные дожди, заросший бурьяном огород и одиночество. Желтые сапоги стали ее униформой плена. В них она ходила к колодцу, в них таскала дрова, в них бродила по раскисшим тропинкам, пытаясь заглушить тоску физической усталостью. — Чавк. Чавк. Чавк. Звук за спиной был другим. Твердым, уверенным, с легким скрипом кожи. Арина обернулась. На ступенях стоял мужчина. Он был без шапки, и темные волосы прилипли ко лбу. На нем был тяжелый кожаный плащ, который уже потемнел от влаги, а на ногах — высокие, добротные болотные сапоги цвета хаки, заляпанные рыжей глиной по самый верх. — Соседи жалуются, что у вас калитка на одной петле висит, — сказал он, пряча руки в карманы. — Ветер сорвал. Я Илья. Живу через два участка, у реки. У меня есть шуруповерт и пара свободных рук. Арина молчала, разглядывая его. В Заречье редко появлялись новые лица, а те, что появлялись, обычно быстро сбежали обратно в город, проклиная отсутствие вай-фая и сельскую грязь. — Проходите, — наконец выдавила она, отступая в сени. — Только ноги вытирайте. У меня тут... не убрано. Илья усмехнулся, стягивая свои тяжелые сапоги. — Не переживайте. Я привык. У меня на участке глина, как пластилин. Без хорошей резины делать нечего. Он прошел на маленькую кухню, где Арина грела чайник. От него пахло дождем, костром и чем-то неуловимо мужским, надежным. — Сахар? — спросила она, чтобы хоть что-то спросить. — Две ложки. И если есть, то в резиновой миске, — он кивнул на ее желтый сапог, который она машинально поставила сушиться у печки, стянув прямо в сених. — А то я смотрю, вы с резиной на «ты». Арина фыркнула, но уголок ее губ дрогнул. — Это мой единственный друг в этой дыре. Не протекает, не жалуется и всегда готов идти по грязи. — Хороший друг, — серьезно кивнул Илья, принимая кружку. — Только скучный. Слишком яркий. На таком фоне любая грязь кажется унылой. Он допил чай быстро, по-мужски. Дождь снаружи усилился, забарабанив по крыше с новой силой. — Калитка-то подождет, — сказал Илья, поднимаясь. — А вот овраг за вашим участком, кажется, решил сбежать в реку. Я видел, как вода подмывает забор. Если до утра не стихнет, утром вместо забора у вас будет живописный вид на соседский сарай. Давайте глянцем, пока совсем не стемнело. У меня в машине есть моток веревки и колья. Арина посмотрела на свое отражение в темном окне. На растянутый свитер, на собранные в небрежный пучок волосы. А потом на свои ноги. Надевать мокрые, холодные сапоги не хотелось. — У меня нога тридцать восьмого, — тихо сказала она. — А у вас, судя по тому, что вы оставили в сених, сорок третий. Не влезу. Илья посмотрел на свои сапоги, потом на нее. В его глазах плясали веселые искорки. — А мы по-другому сделаем. Он подошел к ней, взял за руку и потянул к двери. — Держитесь за мой ремень. И шагайте шире. Они вышли под ледяные струи. Илья шел первым, пробивая

дорогу в размытой глине. Арина, босая, ежилась от холода, но крепко держалась за широкую кожаную полосу на его поясе. Его сапоги чавкали размеренно и глухо: *Чвак. Чвак. Чвак.* Это был самый успокаивающий звук на свете. Он не просто шел по грязи — он ее побеждал. Они дошли до оврага. Илья вбил колья, натянул веревку, укрепил край земли. Арина светила ему фонариком телефона, прячась за его широкой спиной от ветра. Когда они вернулись на крыльцо, оба были мокрыми насквозь. — Спасибо, — сказала Арина, дрожа. Илья не ответил. Он просто снял с ее ноги ярко-желтый сапог, который уже нагрелся у печки, и вдруг подхватил ее на руки. — Эй! — пискнула она. — Ты же мокрый! И сапоги грязные! — Сапоги я оставил в сених, — серьезно ответил он, неся ее в комнату. — А мокрый я только снаружи. Внутри у меня печка. Он опустил ее на старый диван, накрыл колючим шерстяным пледом, а сам сел на пол, прямо на домотканый коврик, прислонившись спиной к ее ногам. — Знаешь, — сказал он, глядя на огонь в печке, — я купил этот дом год назад. Тоже сбежал из города. Первые две недели я проклинал всё на свете. А потом купил эти болотники. И понял: чтобы полюбить это место, нужно просто перестать бояться испачкаться. — Мои сапоги уродливые, — тихо призналась Арина. — Царапанные. И левый чавкает. — Это не уродство, — Илья протянул руку и коснулся желтого голенища, стоявшего у двери. — Это биография. Царапина от яблони. Отставшая подошва — от того, что ты прошла в них лишние десять километров, когда не хотела возвращаться в пустой дом. А цвет... Знаешь, осенью здесь всё серое. Глина, туман, небо. А ты выходишь в своих сапогах, и кажется, что кто-то просто забыл выключить солнце. Арина опустила взгляд. По ее щеке, смешиваясь с дождевой водой, текла горячая слеза. Илья поднялся, стряхнул с колен прилипшие соломинки и сел рядом, подминая плед. Он взял ее холодную руку в свои — теплые, пахнущие мокрой кожей и речной тиной. — Завтра я почищу твою калитку, — прошептал он. — А ты... не выкинешь эти сапоги? — Никогда, — ответила Арина, прижимаясь к его плечам. За окном бушевала осень, пытаясь смыть деревню с лица земли. Но в маленьком домике было тепло. И два совершенно разных мира — один в виде поцарапанного желтого сапога, другой — в виде надежного сапога цвета хаки — наконец-то встали в один и тот же след на мокром крыльце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.